

В Н О М Е Р Е:

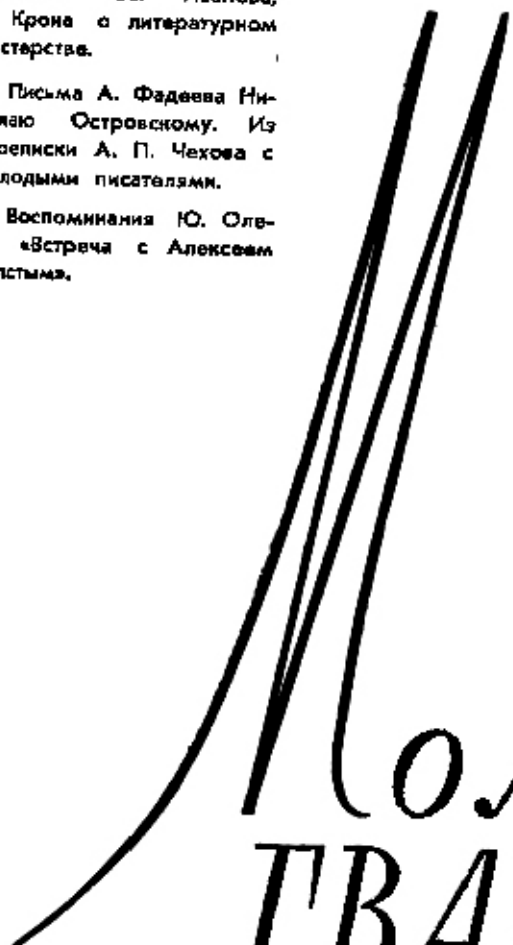
- Повесть Н. Бейдиной «Четыре четверти года».
- Поэма С. Соркина «Товарищ Дзержинский».
- Рассказы и очерки П. Замойского, Н. Верховской, Л. Розановой, Ф. Павлова.
- Стихи К. Ваншенкина, Е. Винокурова.
- Статьи Вс. Иванова, А. Крона о литературном мастерстве.
- Письма А. Фадеева Николаю Островскому. Из переписки А. П. Чехова с молодыми писателями.
- Воспоминания Ю. Олеши «Встреча с Алексеем Толстым».

1

1957

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

Год издания 2-й

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. П. ЧЕХОВА С НАЧИНАЮЩИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

* * *

Весной 1897 года Римма Ващук, начинающая писательница, в недавнем гимназистка, решила обратиться за советом и помощью к Чехову.

Много трудилась она над своим первым письмом к Чехову, написав предварительно восемь неудачных вариантов. И только девятому письму довелось быть посланным*.

«Я так люблю Ваши произведения и судя по ним мне кажется, что Вы настолько добры, что не осудите моей попытки, — писала Ващук. — Дело в том, что я пишу уже много лет и постоянно мучаюсь вопросом, стоит ли мне писать, есть ли у меня искра дарования и не от кого не могу получить ответа. Меня это страшно мучает, я постоянно думаю об этом и наконец додумалась до письма к Вам. Если бы Вы были так добры, позволить прислать Вам какую-нибудь мою вещь, и по прочтении написали бы о ней не щадя моего самолюбия, искреннее мнение. Я бы тогда успокоилась навсегда или стала бы работать в том направлении, которое Вы мне указали».

Получив письмо, Чехов тотчас же откликнулся**.

«97 $\frac{22}{III}$ Большая Московск[ая] Гостиница № 5.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Приехав вчера*** в Москву, я получил от Вас письмо, в котором Вы выражаете желание прислать мне Ваши рукописи. Я рад служить Вам; рукописи прочту с удовольствием и искренно выскажу свое мнение.

Пробуду в Москве до субботы.

А. Чехов».

Приехав, следовательно, в Москву из Мелихова 21 марта 1897 года (это была пятница), Чехов надеялся пробыть здесь до следующей субботы, то есть до 29 марта. В это время «Русская мысль» готовила к печати для своего апрельского номера повесть Чехова «Мужики», и Чехов собирался в Москве прочитать корректуру повести. Из Москвы он намеревался ехать далее в Петербург для встречи с художником И. Э. Бразом, который обещал П. М. Третьякову сделать для его галереи портрет Чехова.

Но 22-го же вечером, как известно, за обедом в Эрмитаже у Чехова пошла горлом кровь. Обед не состоялся, и А. С. Суворин, с которым Чехов был в Эрмитаже, повез его в Славянский базар, где он остановился в этот свой приезд из Петербурга. В номере Суворина Чехов пролежал более суток, и 24-го утром, несмотря на то, что чувствовал себя еще плохо, вернулся в свою гостиницу, ссылаясь на то, что «получено много

* Письма Р. Ващук к А. П. Чехову хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Публикуются впервые. Орфографию и пунктуацию автора писем сохраняем.

** Письма А. П. Чехова к Р. Ващук, хранящиеся в Государственном литературном музее, публикуются впервые.

*** Таким образом, уточняется дата этого приезда Чехова из Мелихова в Москву (по сохранившейся документации эту дату до сих пор можно было отнести и к 21 и к 22 марта).

писем, что со многими ему надо видаться» и т. д. Среди корреспонденции, которая дожидалась его в гостинице, было, видимо, и второе письмо Р. Ващук, содержащее благодарность за разрешение послать свои рукописи, и сами эти рукописи:

«...Слог их очень тяжелый и неправильный, — заранее извиняюсь Р. Ващук за свои рассказы, — но над слогом я еще успею поработать и выработать его, но вопрос в том стоит ли вырабатывать-то.

Со страхом буду ожидать Вашего приговора».

Но так как Чехову опять стало хуже, его 25-го срочно увезли в клинику А. А. Остроумова, где доктора надеялись в больничных условиях остановить затянувшееся кровохаркание.

В клинике Чехов прочел оба присланных рассказа и уже 27-го, то есть через два дня после того, как его положили в клинику, написал ответ, которого с таким страхом и волнением ждала Р. Ващук.

«МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Ваш рассказ «В больнице» я прочел в клинике, где я теперь нахожусь. Отвечаю Вам лежа. Рассказ очень хорош, начиная с того места, которое я отметил красным карандашом. Начало же банально, не нужно. Продолжать Вам следует, конечно, при условии, что писание доставляет Вам удовольствие, — это во-первых, во-вторых, при условии, что Вы еще молоды и что Вы научитесь правильно и литературно ставить знаки препинания.

Что касается «Сказки», то, мне кажется, это не сказка, а набор таких слов, как гномы, фея, роса, рыцари — все это фальшивые бриллианты, по крайней мере, на нашей русской почве, по которой никогда не ходили ни рыцари, ни гномы, и на которой едва ли сыщете человека, могущего представить себе фею, обедающую росой и лучами. Бросьте это; надо быть искренней художницей, писать только то, что есть или что, по Вашему мнению, должно быть, надо писать картины.

Возвращаясь к первому рассказу: не следует много писать о себе; Вы пишете о себе, уподаете в преувеличения и рискуете остаться на боках; Вам или не поверят, или холодно отнесутся к Вашим излияниям.

Желаю всего хорошего.

А. Чехов. 97 $\frac{27}{III}$

Девичье Поле, Клиника проф. Остроумова».

Но искренность Чехова, о которой так просила его Р. Ващук, пришлось не по душе молодой девушке, которая где-то в глубине души, очевидно, надеялась на доброту и снисходительность Чехова и ждала от него каких-то слов об «искре божьей», «божьем даровании» и т. д.

И она поспешила высказать свою обиду. В тот же день или на следующее утро Чехов получил письмо, полное упреков и смешного, наивного сарказма:

«МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЫ

От всей души благодарю Вас за Ваше искреннее мнение и совет. Я ожидала меньше. Я ожидала, что Вы скажете мне бросьте это дело, для него у Вас нет ни ума ни дарования. Вы еще снисходительны и даже разрешаете писать мне потому что это доставляет мне удовольствие и к тому же из удовольствия может выйдет и польза. Научусь правильно ставить знаки препинания. Это благодаря моей молодости Вы так снисходительны. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало, да и потешится может с пользой... Но после холодной воды, которую Вы вылили на мои жаркие мечтанья я уже навсегда откажусь от этого многого удовольствия, даже несмотря на приятную перспективу выучиться знакам препинания. Для этого существует более радикальная мера — повторение правил о них. Вы подумаете, вероятно, что во мне говорит оскорбленное самолюбие непризнанного автора. Нет, меня только огорчает, что Вы вместо прямого искреннего ответа вдались в мелочи и нанесли несколько булавочных уколов. Ваше позволение писать, обиднее самого сурового приговора...» и т. д.

Как же реагировал Чехов на это письмо? Не отмахнулся с величием и снисходительностью знаменитости, но и не рассердился, не ответил мелкой обидой на мелкую обиду. Он сумел понять состояние своей корреспондентки и, озабоченный судьбой человека, просившего у него помощи, незамедлительно ответил на письмо. И вот перед нами этот ответ — письмо, помеченное 28 марта:

«Вместо того, чтобы сердиться, Вы повнимательнее прочтите мое письмо. Я, кажется, ясно написал, что Ваш рассказ очень хорош*, кроме начала, которое производит впечатление лишней пристройки. Позволять Вам писать, или не позволять — не мое дело; я указал Вам на молодость, потому что в 30—40 лет уже поздно начинать; указал на необходимость выучиться правильно и литературно ставить знаки препинания, потому что в художественном произведении знаки зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт. Писать с удовольствием — это не значит играть, забавляться. Испытывать удовольствие от какого-нибудь дела — значит любить это дело.

Простите, мне трудно писать; я все еще лежу. Прочтите еще раз мое письмо и перестаньте сердиться. Я был вполне искренен, и вот пишу Вам опять, потому что искренно желаю Вам успеха [далее зачеркнуто несколько слов. — Э. П.]. 28 марта.

А. Чехов».

К чести корреспондентки Чехова, ее следующее письмо, заключающее эту переписку, свидетельствует о том, что она быстро поняла свою неправоту.

«...Ваша доброта тронула и пристыдила меня больше всяких строгих слов. Мне теперь так больно и совестно своей глупости и неблагодарности, тем более совестно, что Вы, больной, через силу принуждены были отвечать на мое глупое письмо».

* * *

Сопоставляя публикуемые письма с воспоминаниями современников писателя и другими материалами, относящимися к этому же времени, мы видим, насколько жизнь Чехова в клинике, где он читал рукописи Р. Ващук, была насыщена заботами, деловыми встречами, напряженной работой.

Р. Ващук в эти дни была не одинока в своей просьбе. И. Л. Щеглов вспоминает, что во время своего посещения больного в начале апреля он заметил на столике толстую рукопись. «Это один юноша мне всучил... Начинающий писатель — усиленно просил протудировать...» — объяснил Чехов Щеглову.

И при этом — масса других, больших и малых забот. Главной из них была работа над корректурой повести «Мужики», доставленной 26 марта в клинику по просьбе Чехова. Затем — посещения друзей и знакомых, которые приходили просто провести больного писателя, но разговор с которыми часто получался деловой, утомляющий...

К сожалению, рукописи Р. Ващук, которые позволили бы анализировать высказывания Чехова об ее рассказах, не сохранились. Критические замечания, высказанные Чеховым по поводу каждого из этих рассказов, напоминают известные нам суждения писателя о литературе.

Отзыв о «Сказке» Р. Ващук написан художником, для которого в искусстве важнее всего правда, близость к жизни.

«Не нужно вымысла, фантазии. Жизнь, какая она есть», — часто повторял Чехов. В своем письме от 27 марта 1897 года Чехов хотел отвлечь автора «Сказки» от такой «фантазии» — выдумки, далекой от действительности. В произведении начинающей русской писательницы он отвергал фантастику иноземных волшебных сказок, так не вяжущуюся с русской жизнью. И когда сам Чехов обращался к фантастике, в частности к образам волшебных сказок, то это были образы русской народной фантастики, тесно связанные с жизнью, изображенной в данном произведении («Счастье», «Степь» и др.). Но Чехову, особенно со второй половины 90-х годов, еще более была свойственна иная форма фантастического в искусстве — фантастика буду-

* Подчеркнуто Чеховым.

щего. Именно с этой формой и связано чеховское требование писать о том, что должно быть. Заставить читателя задуматься над тем, какова должна быть эта жизнь, такая несовершенная сейчас, — в этом был смысл чеховской фантастики.

Другой рассказ своей корреспондентки — «В больнице» — Чехов в основном одобрил.

Критические замечания по этому рассказу касаются уже не принципа изображения жизни — упреков в отходе от правды здесь нет, — а способа, манеры изложения. Недостатки рассказа «В больнице» Чехов отмечает с точки зрения писателя, привыкшего выражать свой авторский приговор большей частью в манере внешне объективного, как будто беспристрастного повествования. Как видно из воспоминаний писателей — современников Чехова и из его писем к ним, с советами писать «объективно» он обращался не раз и к Т. Л. Щепкиной-Куперник, И. Л. Щеглову-Леонтьеву, И. А. Бунину, Л. А. Авилевой и др. «Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет», — говорил Чехов.

Чрезмерная субъективность, по мнению Чехова, лишь расхолаживает читателя. Об этом он и пишет автору рассказа «В больнице». «Вам или не поверят, или холодно отнесутся к вашим излияниям», — таков приговор Чехова.

Чуть прикрывая свою истинную оценку, автор достигнет цели более успешно, считает Чехов: читатель заинтересуется, задумается и подбавит «недостающие субъективные элементы».

* * *

Затронуты и другие, более частные вопросы литературного мастерства в публикуемых письмах Чехова.

Сообщая Р. Вашук, что рассказ «В больнице» очень хорош, Чехов добавил: «начиная с того места, которое я отметил красным карандашом». Начало же рассказа он назвал банальным, ненужным.

Чехова, как блестящего мастера формы, всегда волновали вопросы композиции художественного произведения. Как видно из его высказываний по этому поводу, писатель считал особенно трудным и ответственным моментом в работе художника-прозаика или драматурга создание начала и конца произведения.

Как правило, неудовлетворенность Чехова началом произведения, присланного ему для отзыва, бывала вызвана чрезмерной подробностью описаний и длиннотами, без которых не обходился почти ни один начинающий автор. «Обыкновенно начинающие стараются, как говорят, «вводить в рассказ» и половину напишут лишнего», — говорил он С. Н. Щукину. Поэтому Чехов часто советовал вычеркивать начало отданной ему на отзыв рукописи (см. письма Чехова к брату Александру — первому автору, пользовавшемуся его литературными советами, — к Л. Авилевой, Е. Шавровой и др.).

Желая научить молодого автора сосредоточиться на самом главном, идейно значительном в задуманном им произведении, Чехов, по всей вероятности, и отделил красным карандашом начало рассказа Р. Вашук «В больнице», считая его «лишней пристройкой», которую нужно удалить.

Последнее замечание Чехова по рукописи, присланной ему Р. Вашук, относится, казалось бы, не к литературе, а к грамматике. Чехов ставит своей корреспондентке одно из неперемennых условий дальнейшей работы — научиться «правильно и литературно ставить знаки препинания». Начинающей писательнице казалось это делом второстепенной важности, и на этот совет Чехова она жестоко обиделась. Тогда Чехов объяснил ей важность этого элементарного условия всякого письма именно для художественного произведения, «потому что в художественном произведении знаки препинания зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт». Такое же сопоставление знаков пунктуации с нотами было сделано Чеховым еще в 1888 году при подобных же обстоятельствах — в отзыве на рукопись Н. А. Хлопова: «...Знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек».

Э. Полоцкая